За нашу Советскую Родину!

ГЛАВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

В помощь агитатору для бесед с молодыми краснофлотцами

БОЕВЫЕ ПОДВИГИ КРАСНОФЛОТЦЕВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Выпуск I

1945

~~18~~765
1176|5.
1176|
4|5
2067|5
8462|7

За нашу Советскую Родину!

ГЛАВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

В помощь агитатору для бесед с молодыми краснофлотцами

БОЕВЫЕ ПОДВИГИ КРАСНОФЛОТЦЕВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Выпуск I

АРТИЛЛЕРИСТЫ, ПУЛЕМЕТЧИКИ, СНАЙПЕРЫ

1945

В состав настоящего сборника вошли статьи и очерки, напечатанные в газетах «Красный Флот», «Красный Балтийский флот», «Красный черноморец», «Краснофлотец» и в листовках политуправлений флотов и Главного политуправления ВМФ за период с 1942 по 1945 г.

Краснофлотцы и офицеры Военно-Морского Флота показали в боях Великой отечественной войны свою беспредельную любовь к Родине и беззаветную преданность партии Ленина—Сталина. Славные моряки сталинской закалки не только сумели сохранить лучшие боевые традиции знаменитых русских флотоводцев — Ушакова, Нахимова — и бесстрашных моряков гражданской войны, но и еще больше возвеличили славу русского флота.

Много славных страниц вписали в историю Военно-Морского Флота советские моряки, обессмертившие свои имена боевыми подвигами, совершенными в годы Великой отечественной войны. Наш народ всегда будет с любовью и благодарностью вспоминать мужественных людей в бескозырках и бушлатах, которые в дни великих испытаний, не щадя жизни, до последнего удара сердца сражались за свободу и независимость нашей Родины.

Военные эпизоды, примеры мужества и героизма моряков, собранные в этой книжке, охватывают лишь небольшую часть деятельности комендоров, пулеметчиков и снайперов Военно-Морского Флота. Сражаясь на кораблях и на суше, уничтожая ненавистного врага, они показали прекрасные образцы стойкости и отваги.

Широко используя яркие материалы сборника в своих беседах с молодыми краснофлотцами, агитатор должен на примерах боевых подвигов флотских комендоров, пулеметчиков, снайперов воспитывать у молодых воинов стремление подражать героям, так же беззаветно выполнять свой воинский долг и присягу. В беседах нужно

постоянно подчеркивать, что эти герои достигли своих успехов благодаря стойкости и упорству в борьбе, благодаря железной дисциплине и организованности. Преодолевая неимоверные трудности, храбростью, мужеством и воинским мастерством добивались они выполнения заданий командования.

В беседах нужно подчеркивать, что славные боевые традиции флота не только украшают бойца, но и обязывают его свято хранить честь и боевую славу, завоеванную кровью товарищей.

Факты, боевые эпизоды этой книжки могут быть также широко использованы в повседневной воспитательной работе старшин, ибо их задача в воспитании молодого краснофлотца заключается в ознакомлении его не только с заведыванием и обязанностями по боевому расписанию, но и с боевыми традициями флота и героическими делами советских моряков в Великой отечественной войне.

Огонь крейсера

Отважными боевыми подвигами прославили себя артиллеристы крейсера «Красный Кавказ». Сокрушительными залпами орудий они не раз громили гитлеровцев под Одессой, Севастополем, наносили удары по врагу во время беспримерных десантных операций.

Артиллеристы крейсера с сознанием высокого долга перед своей великой Родиной сокрушали врага, беспощадно истребляли немецких захватчиков, пробравшихся в нашу землю. Всегда и везде, в любых условиях, в любой обстановке четко действовали артиллеристы, борясь за честь своего флота, своего корабля. Не один десяток гитлеровских батарей, много сотен автомашин и повозок с войсками и боеприпасами, несколько тысяч немецких солдат и офицеров были уничтожены сокрушительными залпами башен крейсера.

Горячая патриотическая любовь к своей матери-Родине, к своему великому народу, жгучая ненависть к немецким захватчикам порождали массовый героизм командиров и краснофлотцев, создавали небывалый боевой подъем.

Артиллеристы работали, не считаясь со своими силами, не жалея ни своей крови, ни самой жизни. Их девизом было: «Жить побеждая и умирать побеждая».

Однажды снаряд, попавший в башню, где командиром был лейтенант Гоилов, вывел из строя башенный визир и перебил кабели. Лейтенант проявил исключительное хладнокровие и находчивость. Быстро провели летучую проводку освещения, боезапас подавали вручную, прицел

принимали от соседней башни по телефону. Погибших бойцов, сражавшихся до последнего вздоха, — Лекшина, Сергиенко, Маслова — заменили другие. Мстя за гибель товарищей, бойцы продолжали вести смертельный огонь по врагу.

Артиллеристы этой башни проявили подлинный героизм. Краснофлотцы Пилипенко и Пушкарев, вернувшись с швартовки крейсера, увидели, что в башне начинается пожар. Горела проводка, горел полузаряд в шахте элеватора. Бойцы не растерялись. Пилипенко моментально вырубил питание и начал обрывать воспламенившиеся провода. Пушкарев голыми руками схватил горящий полузаряд и выбросил его из башни. Находившиеся на верхней палубе пулеметчики—старшина 2-й статьи Властьев и краснофлотец Платнов сбрасывали охваченные огнем полузаряды с палубы за борт. Пожар был быстро ликвидирован.

Зенитная установка старшины 1-й статьи Белоусова вела огонь по врагу. В результате ожесточенного боя расчет установки сократился наполовину. Но мужественные моряки ни на минуту не прекращали стрельбы. Они вели ее с прежней силой, мстя за гибель товарищей.

Не обращая внимания на ранение, дальномерщик краснофлотец Плотников со своим товарищем Дедиковым ликвидировали пожар, возникший на мостике.

Старший краснофлотец Куриленко был ранен в правую руку и плечо, но не ушел с поста. В минуту смертельной опасности он со старшим краснофлотцем Подберезиным тушил загоревшийся порох. В это время орудие противника открыло огонь по кораблю. Замочный Куриленко одной левой рукой продолжал работать у пушки. Вражеское орудие было подавлено.

Только за одну ночь этого беспримерного боя подразделение старшего лейтенанта Кныша уничтожило шесть огневых точек врага. В другом бою его краснофлотцы сбили два самолета «Ю-37». Подразделение лейтенанта Лезенец разбило одну трехорудийную батарею. Лейте-

нант Козлов, управляя огнем, уничтожил четырехорудийную батарею противника.

Это далеко не полный список отважных артиллеристов, ставших героями Великой отечественной войны, далеко не полный перечень их боевых дел.

Жизнь за родину

Был октябрь. Суровый октябрь 1941 г., когда враг подходил к самому Ленинграду.

Лидер «Ленинград» вел огонь. Он поддерживал части советской пехоты, которые грудью закрыли врагу дорогу в морскую столицу страны Советов. Командование требовало: «По пункту Н огонь!» Огонь меткий, сокрушительный, с полной скорострельностью!

Капитан-лейтенант Нефедов отдал приказ орудийному расчету. Краснофлотцы надолго запомнили слова, произнесенные тогда их младшим командиром:

— Будет сегодня баня фрицам жаркая...

Говорил это командир орудия, старшина 2-й статьи, Василий Степанович Кузнецов.

Часы были действительно напряженные. В воздухе стоял страшный гул. Наши артиллеристы били метко. Потери врага были велики. Немцы открыли ответный огонь по советскому кораблю.

Это была ожесточенная артиллерийская дуэль. Вот понемногу начали смолкать батареи противника, но огонь еще не прекращался.

Один снаряд разорвался совсем рядом с кораблем. Старшина 2-й статьи Кузнецов был тяжело ранен.

Но случилось то, что не позволило младшему командиру оставить боевой пост: загорелись заряды.

Распространение огня грозило кораблю тяжелыми последствиями. Тут и проявилась беззаветная стойкость советского моряка, воспитанная флотской службой. Долг бойца — прежде всего, потом можно подумать и о себе.

Кузнецов схватил горящий заряд. Быть может, здоровому человеку и не стоило большого труда бросить его за борт. Но Кузнецов был уже обессилен. Он прижал к себе горящий заряд, боясь выпустить его из рук, с такой силой, что, казалось, хотел «задушить» пламя. Уже горела одежда, огонь обжигал тело. Кузнецов лежал на палубе. Только несколько метров надо было продвинуться вперед, чтобы сбросить заряд за борт, спасти корабль.

Это была борьба за честь корабля, его флага. Кузнецов боролся. Он полз по палубе с горящим зарядом.

И вот борт корабля. Теперь старшине видна вода. Кузнецов сделал последнее отчаянное движение... Этого было достаточно — горящий заряд полетел за борт.

Когда товарищи бережно подняли на руки своего младшего командира, он был без сознания. В перевязочной ему стало несколько легче. Открыв глаза, он тепло взглянул в последний раз на краснофлотца Герасимова:

— Оставь меня, спасайте корабль!

Это были последние слова балтийского моряка.

Расчет старшины 2-й статьи Кузнецова был лучшим на корабле. Его орудие метко, без промаха разило немецкие полчища. Оно нанесло немалый урон врагу при обороне Таллина, при разгроме гитлеровских банд в районе Ораниенбаума, при защите Ленинграда.

В многочисленных боях, в которых участвовал корабль, Василий Кузнецов вел себя, как настоящий балтиец, для которого Родина, ее честь, ее свобода были дороже всего в жизни. Умение и сноровка сочетались в нем с храбростью и отвагой, с любовью к Родине.

На корабле до сих пор помнят Кузнецова и как лучшего активиста. Без его участия не проходило ни одно мероприятие.

Василий Кузнецов был настоящий моряк. Он любил море, любил свой корабль, и ради чести флота, ради чести своего корабля, как он говорил, был готов пожертвовать жизнью.

И он пожертвовал своей замечательной жизнью, но отстоял жизнь и честь своего родного корабля.

12 октября 1941 г. совершил свой бессмертный подвиг Василий Кузнецов. 12 октября погиб он смертью героя.

Корабль живет. К орудию, которым командовал старшина 2-й статьи Кузнецов, пришли новые бойцы. Они хорошо справляются со своими обязанностями. Каждый боец расчета стремится быть таким, каким был их командир, товарищ, друг, Василий Степанович Кузнецов.

Каждый вечер на справке, когда по списку выкликают:

— Старшина 2-й статьи Василий Кузнецов!

— Погиб смертью героя на боевом посту, — отвечает громко командир отделения.

Приказом командующего Краснознаменным Балтийским флотом орудию, которым командовал Василий Кузнецов, присвоено имя героя.

Так сражались комендоры гвардейского крейсера

Не раз орудия гвардейского крейсера «Красный Крым» наносили сокрушительные удары по врагу, много славных подвигов совершили комендоры корабля. Приведем один эпизод.

...Несколько часов подряд содрогался берег. Одна за другой умолкали вражеские батареи.

Четко работали наводчики-краснофлотцы Челябинов и Руденко. Обнаружив огневые точки врага, они с первых залпов выводили их из строя.

Осколки мин осыпали палубу и мостик, но краснофлотцы и командиры не замечали их. Люди жили жизнью своего крейсера. Только что тяжело ранило старшину Григорьева, но он еще протянул руку, чтобы сделать в журнале запись.

Тяжело раненый краснофлотец Винник говорил подошедшим товарищам:

— Крепче бейте фашистов! Не ослабляйте огня!

Орудия ни на минуту не умолкали. Падали на палубу родного корабля сраженные наводчики, установщики прицела и целика, прибойничные, на их места становились другие, но огонь не прекращался.

Взрывом снаряда был выведен из строя орудийный расчет. На посту оставался раненый в ногу краснофлотец Глиб.

— Русские матросы сражаются до последнего, — проговорил он тихо. И, превозмогая боль, заряжал орудие, наводил его и стрелял. Верный присяге, верный Родине, он решил драться до тех пор, пока хватит сил. И он дрался. Свыше десяти выстрелов сделал Глиб.

Артиллеристы крейсера в тяжелые дни второго фашистского наступления на Севастополь без промаха громили врага. Только за этот короткий период залпами их орудий были разрушены десятки вражеских дотов и батарей, уничтожены сотни немецких солдат и офицеров.

Бессмертный подвиг бронебойщика Каплунова

В Н-ском гвардейском стрелковом полку на вечерней поверке называют имя гвардии красноармейца Каплунова Ильи Михайловича. Правофланговый отвечает:

— Пал смертью храбрых за Советскую Родину при взятии хутора Нижне-Кумский.

Имя гвардии красноармейца Ильи Каплунова дорого каждому русскому моряку. Матрос-тихоокеанец сменил бушлат и бескозырку на серую армейскую шинель и шапку-ушанку и с радостью поехал защищать Сталинград. Веселого моряка не смущало, что придется ему драться на суше. Он ехал на помощь к героям-сталинградцам и готов был бить врага где угодно. В полку моряк стал снайпером. Не один десяток немцев истребил Каплунов снайперским огнем, прежде чем совершил свой героический подвиг.

...На узком участке, у села Громославка шел тяжелый бой. Немцы, предпринимая атаку за атакой, бросили на этот участок 80 танков. Каплунов стрелял из своей снайперской винтовки, снимая одного за другим немецких автоматчиков. Матрос увлекся боем и не заметил, как справа от него смолкло противотанковое ружье. Он оглянулся. Немецкий танк, не встречая сопротивления, двигался на окоп бронебойщиков. Один танк мог решить исход боя. Моряк, не раздумывая, быстро бросился к окопу. Один за другим прогремели три выстрела. Танк задымил и остановился. Но бой не был закончен. Появился второй танк. Выстрел — и второй танк загорелся. Слева и справа на окоп надвигаются еще два танка. Что делать? Осталось три патрона.

— Целься зорче, Илья! — кричит сам себе моряк и тремя выстрелами подбивает третий танк. Четвертый танк Каплунов встречает гранатами. Брошенные меткой рукой снайпера, они рвутся под железным брюхом фашистского танка.

Наступило затишье. Илья Каплунов, не теряя времени, собрал десяток противотанковых гранат. Но вот на снегу опять зачернели немецкие танки. Герой-моряк не ждет их в окопе, а ползет навстречу. Пятый вражеский танк выведен из строя двумя гранатами. Но тут снаряд оторвал Каплунову левую ногу. Ненависть к врагу сильнее адской боли. Моряк продолжает ползти навстречу фашистским танкам, оставляя на снегу кровавый след. Нечеловеческих усилий стоило бросить гранаты в шестой и седьмой танки.

Опять танк! Восьмой! Девятый! Теряя сознание, Каплунов бросает гранаты. Танк поврежден, но продолжает двигаться. Гранаты все. Нет, есть еще одна! Он выхватывает ее из-за пазухи, раскрыв ватник и обнажив грудь в морской тельняшке...

Бой затих. Друзья разыскали Илью Каплунова. На его правую ногу наступила железная гусеница подбитого им

девятого танка. Он лежал навзничь держа в руке последнюю гранату.

Один против семи

Этот бой разыгрался в Керченском проливе, в ночь на 8 ноября 1943 г. Наша десантная баржа и катерные тральщики взяли курс к месту высадки. СК-081 остался на внешнем рейде, охраняя десантников от возможного нападения противника со стороны моря. Зорко несли вахту сигнальщики-наблюдатели.

Вскоре комсомолец Павел Барков заметил силуэты небольших кораблей, шедших в кильватер со стороны Камыш-Буруна, и немедленно доложил командиру. Старший лейтенант Флейшер приказал артиллеристам и пулеметчикам держать силуэты в прицеле. Шли на сближение. Уже можно определить: в голове идет немецкая быстроходная баржа, за ней шесть торпедных катеров. Вражеские катера начали охватывать СК-081 полукольцом, стремясь прижать его к берегу.

У командира катера старшего лейтенанта Флейшера было два выхода: первый — выброситься на берег, второй — прорваться. Командир принял решение не только прорваться, но и вступить в бой с фашистами, а в крайнем случае таранить один из кораблей противника. Цели командир распределил заранее: командиру носового орудия Павлу Никитину было приказано бить по барже, командиру кормового орудия Гиса Панеш, пулеметчикам Якову Кобец и боцману Саковенину — стрелять по катерам.

Немецкие катера шли в атаку «подковой». Когда один из них дал короткую очередь (сигнал к открытию огня остальным), катер Флейшера рванулся вперед, стреляя на полном ходу по катерам противника.

Завязался жестокий бой. Один наш СК дрался против семи вражеских кораблей. Пули и снаряды засыпали наш катер, но черноморцы не дрогнули, дрались насмерть.

В момент, когда СК-081 дал полный ход, в первом и во

втором машинных отделениях разорвались вражеские снаряды. Во втором отделении вышел из строя мотор. Механик катера мичман Василий Догадайло бросился в первое отделение, прибавил обороты. Моряки, находившиеся на верхней палубе, напрягали все свои силы. Обливаясь кровью, некоторые с перебитыми ногами подползали к снарядам и подавали их к пушке; другие с израненными руками не отходили от орудия, лишь бы еще раз выстрелить по врагу. Пулеметчик боцман Виктор Саковенин яростно бил по немецкому катеру. Пулеметной очередью его ранило в ногу. Он упал, но, превозмогая боль, поднялся и продолжал стрелять.

Снаряд, взорвавшийся на мостике, оглушил рулевого Василия Иванова. Он упал у ног раненого командира. Флейшер крикнул боцману:

— На руль!

Ожесточенно дрались артиллеристы. Многие из них вышли из строя, но огонь с катера не прекращался. От разорвавшегося на палубе снаряда загорелся кранец с боезапасом. Краснофлотец-адыгеец Гиса Панеш поднял кранец, чтобы выбросить его за борт, но под тяжестью ноши свалился на палубу и оказался под горящим боезапасом. Его выручил краснофлотец-наводчик Иван Месан. Обжигая руки, Месан и Панеш приподняли кранец и, выбросив его за борт, снова продолжали стрелять.

Подносчика снарядов кока Григория Постникова осколком ранило в руку. Оставшиеся у орудия Панеш и Месан по очереди бегали за снарядами, заряжали и стреляли.

Смертью храбрых пал командир орудия Павел Никитин. Перед боем он просил товарищей: «Если погибну, считайте меня коммунистом». У орудия остался один наводчик Михаил Власов. Около него разорвалось четыре снаряда. Контуженный наводчик продолжал стрелять один. К нему подбежал моторист Козлов:

— Давай стрелять вдвоем!

СК-081 прорвался сквозь плотный полукруг вражеских

катеров. Флейшер подал команду:

— Дробь!

В этой схватке два немецких катера были выведены из строя огнем отважного экипажа СК-081.

Батарея героев

Яркую страницу в летопись отечественной войны вписали моряки зенитной батареи старшего лейтенанта Воробьева, стоявшей в первые дни обороны Севастополя в районе станции Мекензиевы Горы. Немцы бросали на нее одновременно по 30—35 бомбардировщиков и большое количество танков и пехоты. Во время одного боя пехота противника при поддержке 10 танков ворвалась в дальномерный котлован. Завязалась рукопашная схватка. Один танк приблизился к орудию. Младший лейтенант Пустынцев бросился к танку и взорвал его гранатами.

За время боевых действий под Севастополем батарея Воробьева отразила свыше 30 наземных и воздушных атак противника, уничтожив свыше 500 немецких солдат и офицеров. Во время одной из атак противнику удалось ценой больших потерь пробиться к батарее и окружить ее. Тогда бесстрашные артиллеристы вызвали огонь соседних батарей на себя и сами корректировали их стрельбу. Снаряды точно ложились вокруг батареи. Прорвавшиеся фашисты были уничтожены.

Отважно сражался личный состав дзота этой батареи. Дзот окружили фашисты. В течение часа бойцы дзота вели упорный бой с автоматчиками и пехотой противника. Когда подошедший вражеский танк стал в упор расстреливать дзот, старший сержант Шкода вывел личный состав в окопы и хода сообщения, откуда бойцы гранатами и огнем винтовок уничтожили прорвавшихся к батарее фашистов. Вернувшись в дзот и закрепившись в нем, бойцы продолжали сражаться с врагом. Только тогда, когда в строю не осталось ни одного человека, закончилось сопротивление героического дзота.

За эти бои 32 зенитчика этой батареи были награждены орденами и медалями, а командиру батареи Воробьеву присвоено звание Героя Советского Союза.

Немцы готовили третий штурм города-героя. 26 мая они начали массированные налеты на город, делая в сутки по 1500—2000 самолетовылетов. Зенитчики по суткам не смыкали глаз. Фашистская авиация несла огромные потери от огня мужественных моряков. В эти дни особенно отличилась эта батарея, которой из-за ранения Воробьева командовал Герой Советского Союза Пьянзин.

Фашисты стремились подавить зенитные батареи. Они бросали десятки своих бомбардировщиков на каждую из них, обстреливали их артиллерийским и минометным огнем. 35 бомбардировщиков штурмовали батарею Героя Советского Союза гвардии старшего лейтенанта Пьянзина. Мужественно сражались гвардейцы, защищая родной город и свою батарею. Метким огнем зенитчиков были сбиты два вражеских самолета.

Многочисленные орды фашистов наседали на родной Севастополь. Шла вражеская пехота, ползли танки со свастикой. Зенитные батареи, стоявшие на передней линии фронта, главным образом на северной стороне, приняли на себя основной удар.

Стремясь прорваться к бухте «Голландия», гитлеровцы решили уничтожить батарею Пьянзина. Они бросали на нее десятки танков и пехоту, предварительно пробомбив батарею с воздуха. Бой был неравный. Немцы забрасывали батарейцев гранатами. Вражеские танки врывались на позиции и вели огонь прямой наводкой. Зенитчики мужественно сражались, оказывая упорное сопротивление наседавшему противнику. Под ударами храбрецов фашисты с большими потерями откатывались назад.

После шестидневных ожесточенных боев с противником, который непрерывно штурмовал батарею, героические зенитчики оказались в безвыходном положении, но не дрогнули перед врагом. Батарейцы отправили командованию

радиограмму: «Танки противника нас расстреливают в упор, пехота противника забрасывает гранатами. Прощайте товарищи! За родину, за Сталина! Вперед, к победе!». Через 3 часа доблестные моряки отправили вторую радиограмму: «Отбиваться нечем, личный состав весь выбыл из строя. Открывайте огонь по нашему командному пункту». На этом связь с батареей прекратилась.

Отважные севастопольцы пали смертью героев. Только через несколько дней, когда два раненых бойца вырвались из вражеского окружения, черноморцы узнали о последних минутах славной борьбы гвардейцев-зенитчиков.

Славные дела экипажа СК-025

Необычайное мужество проявил расчет носового орудия экипажа СК-025 во время высадки десанта в Новороссийске в ночь с 9 на 10 сентября 1943 г. В то время, когда командир орудия и парторг катера старшина 2-й статьи Константин Сапожников, наводчик-краснофлотец Василий Терехов и подносчик снарядов краснофлотец Виктор Алеев вели огонь из своего орудия, на катере начался пожар. Отстоять СК-025 от огня не удалось. Среди спасшихся с горящего катера не оказалось ни Сапожникова, ни Терехова, ни Алеева. Старший лейтенант Горпаев пытался разыскать их, но не нашел никого. Позже, показалось ли это катерникам или было на самом деле, но все заметили в пламени силуэты Сапожникова и Терехова, стрелявших из орудия. Больше о них ничего не узнали и считали их погибшими. Вот как это произошло.

...Огонь охватил уже рубку. Затем красные лоскуты пламени взметнулись над люком восьмиместного кубрика и стали пробиваться даже из камбузного отсека. Дышать становилось нечем. Огонь бил в лицо. Тем не менее Сапожников не прекращал стрельбы: за кормой катера были два мотобота с десантниками — их нужно было прикрыть. С каждой минутой стоять у орудия становилось опаснее: катер мог взорваться.

Когда десантники высадились с мотоботов и пошли штурмом на огневые точки, Сапожников перенес огонь на четырехэтажный дом и на бронепоезд, откуда немцы стреляли из крупнокалиберных пулеметов.

Кончились снаряды. Сапожников оглянулся — ничего не видно, кругом бушует пламя. Скомандовал Терехову и Алееву вооружиться чем можно — и на берег...

Сапожников взял автомат, несколько гранат и наган, Терехов — дегтяревский пулемет, Алеев взял лишь гранаты, так как был сильно контужен.

Спрыгнули в воду, добрались до берега. Недалеко от берега стояло здание. Подошли к нему. Сапожников вскинул автомат и дал короткую очередь по темному углу здания. Никто не ответил. Прошли все здание — никого. Отошли влево. Обнаружили десантников с 45-миллиметровым орудием. Десантники попросили моряков влиться в их расчет. Согласились охотно: матросу — где ни воевать, лишь бы бить немцев. Перетащили пушку на удобную позицию и открыли стрельбу по огневым точкам противника.

Шесть дней без пищи и воды пробыли они в Новороссийске; уничтожили немало немцев, а сами не потеряли никого. Они принесли с собой трофеи и документы, а главное, не уронили флотской чести, не растерялись, когда обстоятельства вынудили их покинуть объятый пламенем катер и сойти на берег. И на суше они показали, что советский моряк не растеряется ни при каких обстоятельствах.

Умение и мужество

Краснофлотец-североморец Алексей Иванов — рядовой боец. Сейчас он командир орудия на катере-охотнике, а в начале войны был наводчиком.

— ...Тридцать немецких пикирующих бомбардировщиков приблизились к месту высадки десанта. Иванов пристально

к прицелу и, хотя в первый раз оказался в настоящем бою, был спокоен и успел поймать пикировщика на прицел до того, как тот камнем ринулся на катер.

— Цель поймана! — крикнул Иванов.

Грохот выстрелов, клубы огня, радостные возгласы товарищей «падает!» — все это промелькнуло так быстро, что Иванов ничего не слышал и не видел. Он был весь устремлен в прицел, ловил следующий момент и, спустя мгновение, снова кричал:

— Цель поймана!

Комсомолец Иванов вместе со своими товарищами сделал свое дело: немецкий бомбардировщик упал в скалы. А когда после боя ему сказали, что он вел себя геройски, Иванов даже смутился:

— Ну, какое же это геройство...

Назначение командиром пушки Иванов воспринял по-своему: «Другой бы лучше на этом месте справился...» Но раз назначили — принялся за дело.

Как-то катер был настигнут на середине залива группой «Фокке-Вульфов».

Бой был скоротечен. «Фокке-Вульфы» шли на бреющем полете, строча из всех своих пушек и пулеметов.

Иванов заряжал и стрелял и снова, как в первый раз, ничего не замечал, кроме врага, которого надо уничтожить. Но тут случилось самое опасное из всего, что может быть: вышла из строя пушка. Идут «Фокке-Вульфы», с мостика гремит команда «огонь!», идет смертный бой, а у пушки сломался боек.

Сказать про Иванова: «не растерялся» — мало. Он действовал мгновенно, точно. Буквально за 10—15 секунд вынул боевую пружину, достал из кармана отвертку, вытащил сломанный боек и поставил новый. Все это он делал озябшими непослушными пальцами. Густо смазанная пружина выскальзывала из рук, по палубе звенели осколки, у орудий падали товарищи, рядом умирал смертельно раненный друг Николай Кочевенко.

Иванов ввел свою пушку в строй в тот момент, когда «Фокке-Вульфы» разворачивались для нового захода.

Два «Фокке-Вульфа» были сбиты. Ни одного из них Иванов не приписывает себе.

— У нас все общее, — говорит он, — стреляли все...

После боя Иванов провел рукой по лицу и почувствовал что-то липкое. Коснулся шеи — рана! Потом стало больно руке. Обнаружилась вторая рана. Потом стало тяжело дышать — оказалась третья рана в грудь. Когда все это случилось — Иванов не заметил. Он сам изумился, обнаружив первую рану. Все его мысли, все чувства, вся душа во время боя были поглощены одним — бить врага.

Самоотверженность комендора Федчука

...Морской охотник старшего лейтенанта Харченко вел на буксире три мотобота с десантниками и оружием. Берег приближался. Наступила пора отдать буксир. Но моторы завелись только на двух ботах, а на третьем мотор отказал. Бросать десантников в таком положении нельзя: неподвижный мотобот немцы расстреляют. Буксировать дальше не позволяла обстановка.

Чтобы спасти мотоботы и дать возможность десанту высадиться, Харченко сознательно отвлекал огонь на свой катер. Снаряды рвались вблизи бортов. Заговорила немецкая минометная батарея. С разных сторон били крупнокалиберные пулеметы, стреляли немецкие автоматчики. Маневрируя и яростно отстреливаясь, катер уводил этот огневой шквал подальше от мотоботов, одновременно приближаясь к месту, где надо было высадить морских пехотинцев.

Мизин, стоя на мостике, наблюдал за работой орудийных расчетов и пулеметчиков, готовый в любую минуту притти к ним на помощь.

На корме в отблеске вспышек мелькала огромная фигура командира орудия Жижина. Из правого пулемета стро-

чил по немцам боцман Щербина, к левому приник старший краснофлотец Шкребтан. Из автоматической пушки стреляли два друга — Федчук и Субботин. Подавив одну огневую точку, Федчук быстро перенес огонь на другую. Кончились в диске патроны. Субботин подал другой.

Внезапно автомат замолчал.

— В чем дело? — спросил командир.

— Не могу взвести рукоятку, — ответил Федчук. Образовался перекос. Мизин помог Федчуку взвести рукоятку, чтобы экстрактировать перекошенный патрон, и тут увидел, что левое плечо комендора с обеих сторон залито кровью.

— Что, ранен?

— Да, пулей. Наверно, навылет.

— Субботин, перевяжите, — приказал Мизин и бросился на нос, где замолчало орудие.

Субботин схватил было бинты, но Федчук, на мгновение прервав стрельбу, крикнул:

— Отставить перевязку! Диски, диски давай!

Носовое орудие замолчало, потому что его командир старшина 2-й статьи Купов не мог больше стрелять. Раненый, он не уходил с поста, пока не упал тут же у пушки. Оставшийся в живых краснофлотец Ларионов в этот момент доставал боезапас. Ларионов зарядил орудие и начал стрелять.

— Я сам, — сказал Ларионов, — идите на корму, там что-то один пулемет замолчал.

У самой рубки разорвалась мина. Осколки хлестнули по мостику. Не выпуская штурвала, склонился на компас рулевой Астафьев. Помощник командира катера младший лейтенант Семиглазов, приняв из холодеющих рук краснофлотца штурвал, повел катер дальше. По бортам продолжали рваться немецкие мины. Опять замолчал автомат Федчука.

— В чем дело? — спросил командир.

Федчук не мог ответить. Разрывная пуля попала ему

в челюсть. Но и тут не упал черноморский комендор. Схватив полотенце, он туго перевязал разбитый рот и стал осматривать молчащий автомат. Услыхав оклик старшего лейтенанта, он повернулся к нему и указал пальцем на орудие. Осколки перебили магазин, от удара разошлись приемники.

— Вниз! — приказал старший лейтенант Федчуку. — Лежать, не выходить наверх до конца боя.

Катер в это время подошел к берегу. Десантники высаживались, выгружали оружие. Стрельба немного стихла. Немцы перенесли огонь на другие корабли. Но предстояло еще под огнем выйти из бухты. Значит, автомат должен стрелять. Но как устранить повреждение?

Федчук не ушел вниз. Он приблизился к автомату и жестами пытался объяснить, что надо сделать. Затем, не утерпев, сдвинул насквозь пропитанную кровью повязку, преодолевая мучительную боль и сплевывая темнобурые сгустки, сказал:

— Надо поднять защелку... Снять магазин... Дело пойдет...

Вместе с Субботиным артиллерист снял разбитый магазин, устранил повреждение и пошел к носовому орудию. Там Ларионов доложил, что пушка в порядке и он вместе с электриком Рысляевым могут стрелять. Федчук, так и не ушедший вниз, сидя на палубе, снаряжал последний уцелевший диск. Затем он тяжело поднялся, поставил правой рукой диск на место. Левая почти не действовала.

Когда катер уходил из бухты, откуда-то с пристани застрочил пулемет. Федчук навел туда свой автомат. После автоматной очереди немецкий пулемет замолчал.

Катер вырвался из зоны огня.

С приспущенным флагом подходил катер к родному пирсу. Молча прощался экипаж с убитыми товарищами. Затем началась погрузка раненых. Федчук подошел к

командиру, взял кусок фанеры и карандашом написал: «Приходится покинуть катер, но я скоро вернусь. Субботину я дал все указания, что надо сделать с автоматом, чтобы он стрелял. Субботин понял меня». Артиллерист дивизиона, прочитав, обратился к комендору, но Федчук показал на уши и покачал головой. Тогда командир взял фанеру и написал: «Вы — настоящий артиллерист-черноморец! Спасибо за службу. Ни я, ни дивизион вас не забудем. Выздоравливайте и возвращайтесь».

Пушка героя

Сила — в знании. Пять человек, плохо знающих технику, не смогут управлять орудием. И, наоборот — одному может быть послушно орудие, если он в совершенстве изучил его. Много было таких примеров в незабываемые дни обороны Севастополя.

Второй штурм севастопольских укреплений. Земля гудит от взрывов. Лучи утреннего солнца слабо пробиваются сквозь стелющийся дым. Немцы идут в наступление. Путь им преградила черноморская батарея.

Враг не унимался. Откатившись назад, пополнив свои силы, немцы снова поползли вперед. Позицию батареи бомбили десятки фашистских самолетов, обстреливали из тяжелых пушек и минометов. Но черноморцы стояли насмерть. Не умолкая бьет единственное уцелевшее орудие. Оно не прекратило огня, когда на батарее остался только один человек — трубочный Петр Липовенко.

Новая лавина фашистов устремилась на позиции. Липовенко уже видит зеленые мундиры немцев. Он осматривается. Взгляд его на секунду задерживается на окутанном дымом Севастополе. В нем он начал свою службу, давал клятву на верность Родине, учился. Артиллерийский класс. Тренировки у орудия. Вспомнил

Липовенко Ворошиловск, Базарную улицу, дом № 10... Проводы. Наказ...

Трещат автоматы. Рой пуль уже проносится над орудийным котлованом. Рядом — убитые командир орудия, наводчик. Земля почернела от крови.

Немцы совсем близко. Липовенко схватил снаряд и послал его в канал ствола. Звякнул замок. Прямая наводка. Выстрел. Снаряд рвется в рядах наступающих немцев. Липовенко опять заряжает картечью пушку. Все делает один: успевает взять снаряд, зарядить, навести орудие.

Уже бегут гитлеровцы, а Липовенко все бьет, бьет метко, наверняка.

Вдруг русское «ура» раздается позади батареи. Липовенко поднимает голову. С винтовками наперевес бегут советские бойцы. Липовенко расстрелял последние снаряды, схватил винтовку и впереди бойцов пошел в контратаку...

Краснофлотцу Петру Николаевичу Липовенко присвоено звание Героя Советского Союза. Его подвигами гордится флот. На его примерах молодые бойцы будут учиться артиллерийскому мастерству.

Расчет старшины Коклюхина

Над Мекензиевыми горами стояло черное облако дыма. Оно все увеличивалось, поднималось выше, сгущалось. Воздух содрогался от беспрерывных взрывов, над кораблем проносились снаряды. С знаменитых севастопольских бастионов, из балок и бухт батареи били по врагу.

— Всё туда, — проговорил заряжающий Беляев, указав в сторону Мекензиевых гор.

Командир орудия Петр Коклюхин ничего не ответил. Ему вспомнилось прошлое Севастополя, первая оборона города, о которой он много читал, много слышал.

«Не сломили русских тогда, а сейчас и подавно не покорится наш народ», — невольно подумал Коклюхин.

Гул канонады все усиливался. Комендоры тральщика были готовы в любой момент присоединить огонь своих орудий к залпам батарей. С передовой попросили поддержки.

— Фугасным, прицел... заряжай! — скомандовал старшина.

Выстрел. Первая гильза со звоном упала на палубу и откатилась к борту, а новый снаряд был уже дослан в казенную часть.

Коклюхин командовал и любовался работой своего расчета. Наводчик Мурашев, установщик прицела Ильин, казалось, всю жизнь только этим и занимались. Движения их были быстрыми, действия точными.

Вечером, когда утих бой и разбитый противник отступил, на тральщик передали телефонограмму командования Приморской армии. В ней сообщалось, что огнем корабля уничтожены две артиллерийские и минометная батареи немцев, истреблено до двух взводов пехоты противника, Командующий армией объявил благодарность всему личному составу тральщика. Комендоры сияли.

Очередной поход. Шли ночью. На фронте было боевое оживление. Враг, выбитый нашими войсками уже из многих районов, сопротивлялся отчаянно. Над морем кружили десятки самолетов. Немцы пытались перехватывать наши караваны, чтобы сорвать доставку горючего, боезапаса. Тральщик «Мина» шел в охранном ордере. Личный состав находился в полной боевой готовности. Старшина 1-й статьи Коклюхин был у своего орудия, всматривался в темноту, прислушивался.

... Самолеты врага появились внезапно. Между берегом и конвоируемым танкером повисли осветительные ракеты. Судно стало отчетливо видно на фоне гор. Бомбардировщики пошли в атаку со стороны моря. Ночное небо наполнилось гулом моторов. С кораблей засвер-

кали вспышки выстрелов, ввысь потянулись нити пулеметных очередей. Бомбардировщики, встретив огонь, сворачивали с боевого курса, заходили в новые атаки, но снова и снова терпели неудачу.

Один из них все же прорвался через огневую завесу и пошел прямо на транспорт. Еще мгновение — и будут сброшены бомбы. Гибель транспорта мог предотвратить только меткий выстрел.

До этого случая Коклюхину не приходилось быть в таком положении. Он помнит первый бой с самолетами врага, когда у бойцов еще не было опыта. Краснофлотцы смотрели на заходившие в пике бомбардировщики и из-за этого медленно выполняли команды. Теперь каждый знает только свое дело. Если даже бомба летит прямо на корабль, то и тогда установщик прицела Ильин не отведет глаз от окуляров.

Научились комендоры делать и то, что не всегда предусмотрено в инструкциях. Никогда до войны артиллеристы не осматривали пружину выбрасывателя — тогда не было в этом нужды. Стреляли не часто, и все обходилось благополучно. Сейчас Коклюхин никогда не забывает перед выходом в море, или изготовляя орудие к бою, проверить пружину.

Участвовал Коклюхин и его комендоры в отражении атаки 27 «Юнкерсов» и 9 «Мессершмиттов». Это было днем, и старшина мог выбирать цель. В тот раз наводчику Мурашеву пришлось работать одновременно первым и вторым номером. Был ранен старший краснофлотец Кеба. Осколком бомбы повредило головной взрыватель снаряда. Промедление грозило взрывом боезапаса. Кеба подскочил к снаряду и выбросил его за борт.

Комендоры научились у своего старшины мастерству, хладнокровию, расчетливости. И вот теперь орудию Коклюхина предстояло решить успех всего похода...

Командир орудия не ждал сигнала с мостика, некогда было и докладывать. Только собственная инициатива

старшины, решительные действия орудийного расчета могли спасти танкер.

— Левый борт, курсовой 85, дистанция... Огонь! — скомандовал Коклюхин.

То ли спокойный голос старшины вселил уверенность в краснофлотцев, то ли они сами оценили размеры опасности и делали все быстрее обычного, но выстрел произвели мгновенно и на редкость точный. Самолет тряхнуло взрывом, он взмыл вверх и уже не смог выровняться. Бомбы упали с большим перелетом. Через полминуты «Юнкерс» рухнул в море в 200 метрах от танкера.

На многие сотни миль тянутся фарватеры Черного моря. Тральщику «Мина» знакомы все эти морские дороги. В декабрьские штормовые ночи 1942 г. тральщик пронес гордый советский военно-морской флаг от берегов Кавказа до Румынии и там, на вражеских коммуникациях, вместе с другим кораблем нанес большой урон каравану противника.

От снарядов «Мины» пылали фашистские самолеты на анапском аэродроме. Тральщик вел огонь по гитлеровцам в Новороссийске, Керчи, Феодосии. В этих операциях орудийный расчет Коклюхина всегда первым открывал огонь.

Корабль прошел победителем вдоль всего черноморского побережья, вернулся в родной Севастополь и 7 ноября салютовал в честь славных побед советского оружия. За героические дела экипаж тральщика награжден орденом Красного Знамени. Весь орудийный расчет старшины 1-й статьи Петра Коклюхина отмечен правительственными наградами; сам Коклюхин удостоен ордена Отечественной войны I степени, медалей «За отвагу», «За оборону Севастополя» и «За оборону Кавказа». По четыре правительственные награды имеют старшина 2-й статьи Мурашев, старшие краснофлотцы Беляев и Ильин — бывалые комендоры Краснознаменного тральщика...

Советский народ гордится такими воинами — достойными преемниками славных традиций русских артиллеристов, чьи дела уже давно гремят по миру.

До последнего дыхания

Четыре наших катера шли в кильватерном строю. Надо было быстрей проскочить водный плес, чтобы ударить по засевшим в городе немцам с тыла. Едва корабли поравнялись с целью, как со стороны города ударили пушки, засверкали одновременно десятки огневых вспышек.

Первым открыл по немцам ответный огонь катер «112», шедший вторым в строю. Головной же корабль, надеясь сбить противника с толку, выпустил вверх белую ракету. По катеру «112» немцы сосредоточили весь огонь береговых батарей. Комендоры и пулеметчики советского корабля энергично отбивались, подавляя одну вражескую огневую точку за другой,

События разворачивались стремительно. В машинное отделение катера попал снаряд, другой разорвался в кормовом кубрике... На корабле начался пожар. Послышались стоны раненых. И все же экипаж катера продолжал сражаться. Носовое и кормовое орудия работали не умолкая.

В погребе рвались снаряды. Вода хлестала сквозь пробоины. Люди не успевали подводить пластыри под градом цокающих о борт пуль. Корабль стал медленно оседать в воду.

Находившийся в рубке командир катера ни на мгновение не переставал руководить боем. Мужественный морской офицер, выпускник Высшего военно-морского училища имени Фрунзе, лейтенант Николай Липнев не дрогнул в момент смертельной опасности, как не дрогнули и его бойцы. Вскоре наводчик носовой пушки комсомолец Коробченко передал по переговорной трубе:

— Товарищ командир, стрелять больше не могу, ствол в воде.

Теперь, когда нос корабля был в воде, стреляли кормовое орудие и крупнокалиберный пулемет. Кругом взлетали кверху столбы воды. Было светло, как днем Уже ходили волны по палубе.

Командир катера кинулся к радиорубке: «Передайте: дрались до последнего!» — приказал он.

Раздался оглушительный взрыв. Катер с силой подбросило. Кое-кого выкинуло в воду. Немцы, не отвечая на огонь остальных трех наших катеров, били по поврежденному кораблю.

Черноморцы дрались, как истинные герои, до последнего дыхания. До последней секунды стояли на посту в машинном отделении главстаршина Степашкин и старшина 1-й статьи Артемьев. Тяжело раненый в разгар боя патронный Савчук простился с товарищами и погиб у своего орудия.

До последнего мгновения стреляли из пулемета краснофлотец Желмудинов и маленький воспитанник катера юнга Дима Полтавцев. Они стреляли по врагу до тех пор, пока рубка с пулеметом не скрылась под водой.

Самоотверженное выполнение воинского долга

Образец выполнения воинского долга в боях за Родину показал старший краснофлотец-североморец Голубенко. В самый разгар боя, который катер вел с целой стаей «Мессершмиттов», командир орудия старший краснофлотец Голубенко внезапно присел, лицо его стало бледным и покрылось капельками холодного пота.

Он был ранен в руку и ногу. Пули прошли навылет, и надо было крепко зажать раны, чтобы остановить брызнувшую кровь.

Но вот прошла какая-то доля минуты — и орудие Голубенко заговорило вновь. Превозмогая острую боль,

Голубенко продолжал стрелять по вражеским самолетам.

Он не ушел с поста до тех пор, пока все атаки врага были отбиты. Он не мог уйти, потому что знал — заменить его некем. Если бы прекратился хоть на минуту огонь орудия, катеру грозила бы неминуемая гибель. Чувство воинского долга, сознание своей ответственности придавали ему силы, поэтому ни о чем другом — ни о физической боли, ни о самой жизни своей — он в этот момент думать не мог.

Выйдя из неравного боя победителем, катер прибыл к месту назначения. Командир предложил Голубенко лечь в госпиталь.

— Разрешите остаться на катере, — попросил он командира. — На обратном пути снова могут налететь, а кто же из орудия стрелять будет? Придем в базу — там и подлечусь.

Командир орудия Игумнов

Хорошей славой в Краснознаменном артиллерийском дивизионе пользуется командир орудия Игумнов. В июньские дни 1941 г., когда вероломный враг нарушил священные рубежи нашей Родины, на одну из отдаленных артиллерийских батарей пришел краснофлотец Игумнов. В первый же день пребывания на батарее молодой артиллерист получил боевое крещение. Враг тогда рвался к Мурманску и остервенело лез на скалистый берег, который защищала батарея. Североморцы стояли стойко.

Когда на фронте наступила небольшая передышка, Игумнова послали в школу младших командиров, которую он успешно закончил и снова пришел к себе на батарею, на этот раз уже командиром орудия. К этому времени бои возобновились с новой силой. Немцы всеми способами пытались провести корабли в свой порт через залив, контролируемый североморскими артиллеристами. Они пускались на разного рода хитрости и обманы, а

когда это не помогало, обрушивали на огневые позиции батареи сотни снарядов и авиабомб.

Расчет орудия Игумнова показал в этих боях отличную выучку и умение драться с врагом. Такого результата молодой командир добился неустанным обучением своих подчиненных, которое проводилось непосредственно у орудия. Игумнов учил краснофлотцев не только специальности, но и смелости и хладнокровию в любой обстановке. Примером мужества и хладнокровия служил сам командир.

Однажды враг попытался провести по заливу крупный транспорт. Наши артиллеристы своевременно заметили вражеский корабль и открыли по нему прицельный огонь. Немцы решили подавить нашу батарею. Они сосредоточили на нее огонь нескольких орудий и стали бомбить ее с самолетов. Под разрывами бомб и снарядов североморцы мужественно продолжали громить врага. Расчет Игумнова работал, как всегда, слаженно и четко. Но вот почти рядом разорвалась бомба. Взрывом контузило весь орудийный расчет. Казалось, что орудие больше не сможет вести огонь. Однако Игумнов и краснофлотец Морозов вдвоем продолжали стрелять по врагу. Самоотверженность командира воодушевила бойцов, и они снова встали на свои боевые посты.

В другой раз вражеский снаряд упал в нишу с боезапасом. Взрывом была отброшена в сторону группа заряжания. Игумнов и здесь не растерялся. Он сумел перестроить работу орудийного расчета так, что орудие продолжало вести бесперебойный огонь по противнику, а опасность взрыва боезапаса была устранена.

Подносчик снарядов Булатов

Это было в дни активных боев североморцев — август 1942 г.

... Напряжение боя нарастало, орудийные выстрелы,

сливаясь в сплошной гул, были похожи на раскаты грома. Из раскаленных стволов один за другим летят в логово врага снаряды — только успевай подносить их к орудиям. Задержишь хоть на мгновенье — и темп стрельбы сразу нарушится, а в артиллерийской дуэли, которую ведет батарея, быстрота — залог победы.

Подносит снаряды коммунист Булатов. Он знает, как много значит его несложная и простая работа, чувствует, что успех боя в какой-то мере зависит и от него. Когда вокруг тебя вздымаются высокие столбы земли и дыма от рвущихся снарядов, воздух, кажется, весь пронизан свистящими осколками, не легко приходится подносчику. Слабые нервы здесь не годятся. Малейшая растерянность губительна.

У Булатова нервы крепкие. Не впервые ему приходится быть в таких условиях. Частые бои закалили в нем волю, приучили знать только одно: снаряды должны подаваться бесперебойно.

Перебегая от орудия к нише, Булатов вдруг услышал совсем рядом оглушительный взрыв. На какую-то долю секунды он потерял сознание, но сразу же пришел в себя. Было удивительно тихо и казалось странным, что идет бой, из орудий вырываются языки пламени, по-прежнему рвутся вражеские снаряды. Разгоряченные боем батарейцы что-то кричат — это видно по их лицам, а между тем стоит какая-то звенящая тишина.

«Контужен и оглушен», — понял Булатов. Ужасно ныло тело, где-то ощущалась острая боль. Но в тот же миг он увидел, что на орудии кончается боезапас.

Напрягая последние силы, Булатов бросился к нише. Контуженный и оглушенный, он продолжал свою работу до тех пор, пока окончился бой.

Таких случаев о Булатове можно рассказать не мало. В одном бою вражеский снаряд попал в нишу с зарядами. Находившийся здесь Булатов был ранен, множество

осколков впилось ему в тело. Но не о себе подумал Булатов, когда спустя несколько секунд очнулся. Горели заряды. Огонь распространялся с неимоверной быстротой, угрожая взорвать весь боезапас.

Истекая кровью, превозмогая нестерпимую боль от полученных ран, Булатов бросился тушить пожар. Своим примером он увлек и других.

Пожар был ликвидирован. И когда после боя артиллеристы подошли к нише, они увидели здесь Булатова. Он лежал без сознания. Кровь залила все лицо. Ранение оказалось настолько тяжелым, что всем стало ясно, сколько силы и самообладания должен был иметь этот человек, чтобы совершить такой подвиг.

Артиллеристы краснознаменного дивизиона

Среди волн сурового Баренцова моря распростерся небольшой клочок земли. Каменистые сопки, небольшие озера с кристальной, неподвижной водой, да редкие заросли низкорослого березняка — вот ландшафт полуострова Рыбачий. Но значение Рыбачьего огромно. Здесь начиналась сухопутная граница Советского государства. Мимо Рыбачьего проходит большая дорога в мир, к нашим союзникам. Недалеко проходит и другая дорога — в Петсамо, куда ходили тогда вражеские корабли. Закрыть врагу дорогу в Петсамо, обезопасить наш океанский путь — такая задача стала перед нами с первых дней Великой отечественной войны.

В темную ночь на каменистый берег молча сошли артиллеристы Космачева. В жестокую пургу, которая захватывала дыхание и валила с ног, краснофлотцы раскапывали снег ломами, выдалбливали в скалах ниши и аммоналом взрывали породу. К шатким, наскоро сколоченным причалам подходили баржи со строительным материалом и пушками. Пользуясь ненастной погодой, артиллеристы разгружали суда в глубь полуострова. Они

превращали полуостров в бастион нашей обороны на самом правом фланге фронта Великой отечественной войны.

Вскоре разгорелся первый ожесточенный бой. Вражеский караван плотным строем направлялся в Петсамский залив. На батарее Поначевного прозвучала боевая тревога. Орудийным расчетам потребовались считаные секунды, чтобы занять места у пушек. Командиры орудий Покатаев, Пасечник, Правдивин застыли на своих местах. Они должны были произвести первый залп по немецким кораблям.

Команда «огонь», словно электрическая искра, пронеслась по батарее. Грянул залп. Огромный немецкий транспорт загорелся и стал тонуть. Вражеские корабли заметались и расползлись по ближайшим фьордам. Вскоре немцы обрушили на позиции артиллеристов огонь сразу нескольких батарей. В воздухе появилось более пятидесяти бомбардировщиков. Сопка содрогалась от страшного грохота. Бой был жестокий, но победа осталась за североморцами.

Первый бой был лишь предвестником будущих артиллерийских сражений. Наученные горьким опытом, немцы не проводили уже больше свои караваны «парадным строем». С потушенными огнями, прижимаясь к берегам, они пробирались в свой порт. Но артиллеристы не давали им покоя. Еще задолго до подхода каравана к заливу они открывали огонь по вражеским кораблям, преграждая им путь.

В 1942 г. батарея Поначевного стала краснознаменной. В том же году, в холодную декабрьскую ночь, артиллеристы одержали блестящую победу над врагом, потопив в коротком бою три транспорта водоизмещением около 30 тысяч тонн. Победы артиллерийского дивизиона умножались с каждым днем. Вскоре весь дивизион получил высокую награду — орден Красного Знамени.

Награда вдохновила краснознаменцев на новые под-

виги. С еще большим ожесточением стали они уничтожать вражеские корабли, батареи, доты и дзоты, живую силу противника.

Навсегда сохранят краснознаменцы в памяти образ бесстрашного командира орудия Вениамина Кошелева. Разрывом вражеского снаряда его контузило, но он не потерял самообладания, первым поднялся на ноги, приказал оказать помощь раненым, вынести убитых и осмотреть орудие. На щите пушки виднелось несколько больших вмятин, была отбита правая амбразура, а канал ствола забит щебенкой. Под руководством своего бесстрашного командира моряки под разрывами немецких снарядов прочистили орудие и снова открыли по врагу огонь.

Героически сражались командиры орудий Покатаев, Игумнов, Батрин, краснофлотцы Рачков, Стахиев, Кренинчев и многие другие. Дивизион прошел славный боевой путь. В жестоких сражениях люди дивизиона отшлифовывали свое мастерство, научились насмерть бить врага.

О результатах боевой деятельности артиллерийского краснознаменного дивизиона ярко говорят цифры его побед. Дивизион потопил 36 вражеских кораблей общим водоизмещением 92 тысячи тонн, уничтожил 16 самолетов, разрушил множество немецких укрепленных точек. Сотни раз краснознаменцы огнем своих орудий выводили из строя немецкие батареи, совершали уничтожающие огневые налеты на передний край противника.

Стремясь подавить батареи дивизиона, немцы выпустили по ним свыше 15 тысяч снарядов и сбросили 2000 авиабомб, добрая половина которых весом от 500 до 1000 килограммов. Но не удалось немцам сломить железной воли краснознаменцев, которые с честью выдержали все испытания, вышли победителями из жестоких сражений, длившихся свыше трех лет и закончившихся изгнанием врага из Советского Заполярья.

Утром гвардии младший лейтенант Рубис повел своих бойцов к немецким траншеям и, когда вражеский огонь особенно усилился, крикнул:

— Взвод, за мной, отомстим врагу за Ленинград!

Советские воины бросились на штурм вражеских укреплений. Взвод Рубиса одним из первых достиг рубежа и врукопашную схватился с гитлеровцами.

Пулеметчик Владимир Косенков был ранен, но продолжал оставаться в строю и в упор расстрелял 15 фашистов. Семь вражеских дзотов блокировали моряки-комсомольцы гвардии сержант Кузнецов и гвардии краснофлотцы Жаров и Кустов. В одном из дзотов они уничтожили 20 немцев, захватили два пулемета и стали обстреливать врага из их же оружия.

Во время боя гвардии старший сержант Федор Шелеметьев и его боевые товарищи расстегнули армейские гимнастерки, чтобы была видна полосатая флотская тельняшка. Пусть знает немец, что против него дерутся балтийские моряки.

Краснофлотец Сергей Фролов, покидая Ханко после его героической защиты, дал клятву отомстить за погибших товарищей и драться с двойной яростью. И вот сейчас Сергей Фролов обратился к товарищам:

— Друзья, мы все дрались на Ханко. Нас крепко боялись фашисты. Так покажем врагу и сейчас, как дерутся балтийцы!

И они назвали свой рубеж ханковским. Они дрались, как наказывали товарищи, когда отправляли их с кораблей в морскую пехоту. Не раз лицом к лицу встречались они с врагом и всегда выходили победителями. Это они во время осенних боев под Синявином подбили два «тигра». За это весь расчет противотанкового орудия был награжден орденами. Сам Федор Шелеметьев награжден трижды. Ефрейтор Осадчий — дважды.

Сегодня они по глубокому рыхлому снегу подтащили свою маленькую верную пушку почти вплотную к вражеским траншеям. Действовать приходилось под минометным огнем немцев. Но моряки на сильных руках пронесли пушку сквозь проволочное заграждение и, заняв рубеж, ни на шаг не отступили. Огнем своей пушки балтийцы проделали в немецких минных полях проходы для пехотинцев. Когда враг открыл огонь из двух дзотов, Федор Шелеметьев прямой наводкой уничтожил их.

Группа вражеских автоматчиков пыталась окружить балтийцев, но, встретив шквальный огонь, отступила.

Так сражаются воины-мстители бойцы Рубиса, балтийские матросы.

Огонь ведут зенитчики Балтики

Подразделению капитана Гилькe был дан приказ: занять огневые позиции в районе Н-ской базы. Здесь фашистская авиация любой ценой стремилась вывести из строя наши корабли, которые срывали все попытки врага вывезти морем остатки своих разгромленных дивизий из районов Либавы и Кенигсберга и топили немецкие транспорты.

Бойцы подразделения в короткий срок привели боевую технику в походное положение. Зенитчики на новой позиции работали, как всегда, быстро и энергично. И поход и установка орудий были произведены скрытно.

Не прошло и часа, как вражеские самолеты «Фокке-Вульф-190» появились над объектом, пытаясь нанести удар по нашим кораблям. Зенитчики отразили налет. План немцев был сорван.

Обозленные неудачей, немцы решили уничтожить зенитную батарею.

19 самолетов обрушились на зенитчиков. Враг сбрасывал на позиции сотни бомб, вел сильный пушечно-пулеметный огонь.

В ответ на это отважные балтийские зенитчики открыли шквальный огонь.

Вот два немца начали пикировать на батарею, но были сбиты меткими залпами зенитчиков.

Вражеской бомбой был ранен командир взвода коммунист сержант Андреев. Он пытался встать, чтобы руководить боем, но тяжелая рана крепко приковала его к земле. Тогда Андреев, собрав силы, в последний раз дал команду «огонь!».

Батарейцы не снизили темпы стрельбы. Выбывшего из строя командира взвода заменил командир орудия младший сержант Вячеслав Васильев.

Выбыл из строя тяжело раненый заряжающий старший краснофлотец Иванов. Его заменил раненый командир орудия младший сержант Михаил Образцов. Огонь не прекращался ни на минуту.

В этом бою славными зенитчиками было сбито три вражеских самолета. Отважное поведение краснофлотцев Гуреева, Тарасова, Скрипунова, Ягунова и других участников этого боя стало примером бесстрашия и мужества.

Дзот № 112

Великий подвиг в дни героической севастопольской обороны совершила группа моряков-черноморцев.

Их было семеро: Раенко, Калюжный, Погорелов, Еремко, Мудрик, Четвертаков и веселый моряк Григорий Доля. Все они — сыны ленинско-сталинского комсомола. Все как на подбор — здоровые, широкоплечие, сильные, с благородными сердцами моряков. Они пришли с разных концов нашей страны, с шахт, заводов, колхозных полей. Их сдружили боевые будни, любовь к отчизне, ненависть к врагу. Они страстно любили жизнь, ценили ее, как могут ценить советские люди. Но и смерть, благородная, чистая, героическая — их не пуга-

ла. Великие слова священной присяги, честь и свобода родины звали их на подвиги, на смертный бой с врагом.

... Враг рвался к Севастополю. Как истерзанный зверь, он рычал, захлебываясь в своей крови, но все шел вперед. На склоне сопки стоял наш неприступный дзот. Командовал дзотом Раенко. Его любили все бойцы за смелость, решительность, за боевой комсомольский задор. Моряки видели, как недалеко, в долине, накапливаются вражеские силы. Дело ясное: противник готовится к наступлению. Раенко собрал вокруг себя комсомольцев, молча обвёл их взглядом. Немую тишину нарушил твердый, уверенный голос моряка:

— Ну, друзья, нас семь человек, — сказал он. — Ребята все на подбор. Патронов у нас шестьдесят тысяч, есть сто пятьдесят гранат, двести бутылок с горючей жидкостью, винтовки — у каждого. Работа предстоит горячая. Может быть, мы все погибнем. Но отсюда не уйдем ни на шаг. Мы не имеем права уходить. Все мы комсомольцы. Враг пройдет только через наши трупы. Так дадим же друг другу клятву, что умрем, но без приказа командира ни шагу назад.

И черноморцы мужественно, крепко пожали друг другу руки. Раенко достал лист чистой бумаги, прикрепил его к небольшой фанерной дощечке, а сверху приклеил портрет великого Сталина. Под портретом вождя моряки написали скупые, но от всего сердца идущие слова своей клятвы. Каждое слово ее — признак силы, мужества, призыв к борьбе.

Ровным почерком были выведены слова бессмертной клятвы:

«Враг рвется к Севастополю. Он хочет захватить наш любимый город. Не бывать этому никогда! Мы клянемся Родине, клянемся вам, родной товарищ Сталин:

1. Не отступать назад ни на шаг.

2. Ни при каких условиях не сдаваться в плен.

3. Драться с врагом по-черноморски — до последнего

патрона, до последней капли крови, до последнего дыхания».

Клятву подписали все бойцы.

Так поклялись комсомольцы умереть, но не отступать. Раенко обошел бойцов и горячо поцеловал своих боевых друзей, как родных братьев.

Далеко за полночь, когда над фронтом царила зловещая тишина, пулеметчики позвонили на соседний дзот и передали по телефону свое решение, свою клятву на верность Родине.

Чуть забрезжил рассвет, наступило боевое севастопольское утро. Рождался новый день, а вместе с ним начинался напряженный бой с врагом. Немцы открыли ураганный артиллерийский и минометный огонь. Вокруг дзота рвались снаряды, мины. Несколько мин уже попало в дзот, но не пробили его. Моряки не дрогнули. Прильнув к пулемету, Погорелов ждал пехоту врага. Умолкла канонада. Как саранча, ползли на дзот вражеские солдаты. Немцы были уже совсем близко. Они стреляли из винтовок, минометов.

— Огонь по врагу! Смерть фашистам! — раздался голос командира. Злобно заговорил пулемет. Погорелов, стиснув зубы, вел уничтожающий огонь по немцам. Остальные моряки заняли удобные места и метким ружейным огнем истребляли гитлеровцев. Враг начал пятиться назад. А пулемет все бьет, бьет безумолку, бьет нещадно, метко. Как снопы, валятся фашистские солдаты. Но враг продолжает посылать на дзот мину за миной, со всех сторон бьют автоматчики.

Вот к пулемету сел Раенко. Падают гитлеровцы от его метких пуль. Вражеской пулей командир ранен в голову. Кровь заливает лицо. Но ни на миг отважный черноморец не прекратил огня. Краснофлотец Калюжный заботливой рукой перевязал его рану. А Раенко спокойно, как ни в чем не бывало, продолжает косить врага и с еще большей яростью, с еще большей ненавистью уничтожает немецких

захватчиков. Немцы продолжают наседать. Все чаще и чаще в расположении дзота рвутся вражеские снаряды, с каждой минутой все напряженнее становится жаркий бой с врагом. В пятнадцать часов, в самый разгар этой неравной схватки с фашистскими захватчиками, у амбразуры разорвалась вражеская мина. Вторично в голову ранен Раенко. Умирая, он сказал:

— Сражайтесь стойко. Будьте верными своей клятве. Да здравствует товарищ Сталин!...

Моряки молча сняли бескозырки. Осторожно взяли тело героя, положили его в стороне, прикрыли краснофлотской шинелью.

— Спи, дорогой друг, мы отомстим за тебя!

На секунду умолк пулемет. Фашисты торжествовали. Они уже считали дзот храбрецов уничтоженным. Но вот опять ливень огня обрушился на них. Убитого командира заменил Погорелов. Он так же метко косил немчуру, мстя бандитам за смерть боевого товарища. Несколько часов подряд, не выпуская пулемета из рук, Погорелов бил наступающих фашистов. Вскоре погиб у пулемета и этот герой. Снарядом была разбита левая амбразура. Раскаленный осколок угодил в самое сердце бойца. Осталось теперь пять моряков, пять отважных, бесстрашных черноморцев. Жгучая боль сжимала их сердца, было жаль погибших... Но пятерка не дрогнула, не плакала над трупами боевых друзей, а мстила врагу, мстила беспощадно. Бой длился до вечера. Более ста трупов оставили немцы перед героическим дзотом, но не добились успеха, не сломили волю черноморцев, не сломили их железную стойкость.

Ночь прошла спокойно. Моряки готовились к предстоящей схватке: набивали ленты, подносили боезапас, чистили пулемет, готовили его к предстоящим боям. Всю ночь напролет не смыкали глаз краснофлотцы. Они знали — впереди враг. Надо остановить его любой ценой, ценой самой жизни.

Наступило новое боевое утро. Враг, приведя в порядок свои потрепанные силы, вновь повел отчаянное наступление на дзот. Одну атаку за другой отбивали черноморцы. Отважный Мудрик нещадно косил врага из пулемета, новые десятки фашистских трупов устлали дорогу наступающих немцев. Но, как хищные звери, они рвались вперед. Убит Мудрик. К пулемету теперь сел Калюжный. Четвертаков подает патроны. Четыре оставшихся моряка продолжали сдерживать натиск врага.

Так два героических, незабываемых дня горсть моряков отбивала многочисленные атаки гитлеровцев. Сотни своих солдат потеряли немцы за эти два дня. Но моряки не сдались, не отступили. Поздно ночью на помощь отважной четверке подошли коммунисты Потапенко, Корж и Король. Михаил Потапенко и Пётр Корж служили раньше на торпедных катерах, Константин Король — на лидере «Ташкент». В штормовых походах, в суровой морской службе воспитались они. Радостная, трогательная встреча произошла поздней ночью в героическом дзоте. Коммунисты расцеловали мужественных комсомольцев, которые своим губительным огнем, своей стойкостью и упорством сдержали врага.

Потапенко и Король принесли с собой пулеметы и боезапас. Коммунисты знали о клятве, принятой два дня тому назад героической семеркой комсомольцев. И своей рукой сыны большевистской партии подписались под ней. Они тоже поклялись умереть, но не отступить.

Как и прошлую ночь, никто не спал. А когда наступил рассвет, вновь заговорил наш пулемет. Калюжный и Четвертаков поочередно вели огонь. С правой стороны дзота, за бугорком, расположился коммунист Потапенко и ручным пулеметом уничтожал фрицев, которые решили обойти дзот. Король залег слева и также метко разил фашистов. Противник был настолько близко, что остальные краснофлотцы забрасывали его гранатами. Метко бил пулемет и вдруг захлебнулся, умолк. Вражеским снарядом

пулемет разбит, убит Четвертаков, тяжело ранен и вскоре умер Калюжный. Пятеро моряков продолжают косить врага из ручных пулеметов, огнем винтовок и гранатами.

Беспрерывно рвались немецкие снаряды. Все тесней и тесней сжималось вражеское кольцо вокруг дзота. Неожиданно днем налетели фашистские бомбардировщики, десять сброшенных гитлеровцами бомб изрыли глубокими воронками прилегавшую к дзоту площадь. Осколком вражеского снаряда оторвало ногу Королю. Моряк не выпустил пулемета из своих цепких рук. Нестерпимая боль сжимала сердце, но он, истекая кровью, продолжал отбивать атаки гитлеровцев. Он перестал стрелять лишь тогда, когда перестало биться его горячее сердце. Тяжело раненые Потапенко и Дуля не прекращали бить врага. Пока были силы, пока под полосатыми тельняшками бились сердца, они не выпускали оружия из рук. Смело глядя смерти в глаза, они, раненые, обессиленные, отбивали одну за другой атаки фашистов.

Смертью героя погиб Корж, истребив немало фашистов. До последнего патрона дрался тяжело раненый моряк Еременко. Когда уже не было патронов, когда была брошена последняя граната в подползавших к дзоту врагов, Еременко, обессиленный, отполз в сторону, залег между кустами. Здесь его нашел санитар Титоренко. На руках он вынес героя-моряка. Еременко с трудом рассказал о том, как геройски сражались черноморцы, и навсегда закрыл глаза.

Незабываем бессмертный подвиг десяти моряков. Разве можно забыть, как горсть черноморцев три дня мужественно и стойко отбивала атаки сотен фашистских солдат? Разве можно забыть, как черноморские богатыри под снарядами, минами, бомбами мужественно и смело дрались с врагом, бесстрашно смотрели вперед?

Десять героев не отступили перед наседавшим врагом. Они выполнили свою священную клятву, они выполнили присягу, они обессмертили свои гордые имена.

...Прошло несколько дней. Защитники Севастополя отбросили врага назад. К героическому дзоту советских богатырей пришли их боевые товарищи. В углу дзота они нашли предсмертную записку пулеметчика Калюжного. Пусть каждый воин нашей родины прочтет бессмертные слова моряка. Пусть каждое его слово будет вечно звать на подвиг наших бесстрашных воинов. Вот что написал Калюжный:

«Родина моя, земля русская! Любимый товарищ Сталин! Я сын ленинско-сталинского комсомола, его воспитанник, дрался так, как подсказало мне сердце. Истреблял гадов, пока в груди моей билось сердце. Я умираю, но знаю, что мы победим. Моряки-черноморцы! Держитесь крепче, уничтожайте фашистских бешеных собак. Клятву воина я сдержал. Калюжный».

Эти бессмертные слова сын комсомола писал в последние минуты своей жизни. Он знал, что умирает, знал, во имя чего отдает свою жизнь, и нашел в себе силы, чтобы написать горячие слова, зовущие к победе.

Моряки бережно подобрали тела своих героев. Недалеко от дзота в братской могиле похоронили их.

Над их могилой моряки поклялись:

«Спите, храбрые герои, черноморские багатыри! Родина не забудет вас! Ваши славные имена будут золотом сиять в веках. Мы отомстим за ваши молодые жизни, мы будем драться так, как дрались вы, — до последнего дыхания. Мы так же выполним свою клятву, как честно выполнили ее вы».

Герой Советского Союза Василий Кисляков

В великой битве за нашу Родину моряки-североморцы покрыли себя неувядаемой славой. Они не только отважно и самоотверженно сражались на море, но и в боях на суше дрались с морской удалью и храбростью.

Особое мужество, смелость и отвагу в боях против не-

мецких захватчиков проявил североморец Василий Кисляков.

Страстный патриот, член ленинского комсомола, Кисляков одним из первых пошел в отряд моряков, который отправлялся сражаться на суше.

В боях с гитлеровскими бандитами Кисляков воскресил бессмертные традиции героев-моряков периода гражданской войны. Так же, как и они, бесстрашно и стремительно бросался он на врага, не зная страха наносил меткие удары.

Это было в первые дни войны, когда немецкие полчища на самом правом фланге великого фронта отечественной войны устремились к столице Советского Заполярья — Мурманску. Горсточка моряков на одном участке удерживала важную высоту. Несколько раз гитлеровцы бросались на штурм высоты, но под ударами североморцев откатывались назад, оставляя десятки трупов солдат и офицеров. Но и ряды моряков редели с каждым разом. И когда на высоте осталось только трое, Василий Кисляков сказал своим товарищам:

— Во что бы то ни стало доставьте донесение на КП, а я буду держаться.

Оказавшись один против сотни разъяренных фашистов, славный североморец и не подумал об отступлении. Он принял неравный бой и вышел победителем.

Хладнокровно, по-снайперски метко косил Кисляков врага из пулемета. Расстреляв все пулеметные диски, он продолжал уничтожать врага из винтовки. Патроны все вышли. Немцы бросились к Кислякову, чтобы схватить его. Подпустив врага, Кисляков пустил в ход гранаты. Оставив десятки своих солдат, немцы снова откатились.

Израсходована и последняя граната, но у героя есть еще штык, прославленный русский штык, которого так боятся гитлеровские бандиты.

Зная повадки врага, Кисляков применил военную хитрость: «Взвод, в атаку, за мной!» — закричал бесстраш-

ный боец и с винтовкой наперевес бросился на врага. Немцы побежали, бросая раненых. Полтора часа удерживал высоту Василий Кисляков один против ста, не отступая ни на один шаг.

За мужественный подвиг и бесстрашие, проявленные в жаркой схватке с врагом, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1941 г. североморцу Василию Кислякову присвоено звание Героя Советского Союза.

Много славных боев провел после этого Василий Кисляков, всегда проявляя в них отвагу и боевое мастерство. Командование высоко оценило заслуги перед Родиной отважного моряка, присвоив ему звание офицера.

Иван Богатырь

Героическими делами прославил себя в дни севастопольской обороны пулеметчик старший сержант Богатырь. Он пришел на флот перед войной и был направлен в морскую пограничную охрану. Граница научила молодого бойца бесстрашию, сообразительности, ловкости.

Богатырь начал войну под Одессой пулеметчиком.

Многими боевыми делами знаменит Иван Богатырь, но особенно прославился он защитой одной важной высоты под Севастополем. Высоту обороняла горстка пограничников. Все они пали смертью храбрых. В живых остался один Иван Богатырь, который продолжал вести бой с большой группой немецких солдат.

Вражеские атаки следовали одна за другой, но Богатырь пулеметным огнем каждый раз отбрасывал гитлеровцев назад. Вблизи разорвался немецкий снаряд и контузил моряка. Он уже не мог действовать правой рукой. Тогда Богатырь стал вести огонь левой рукой. Немецкая пуля пробила и левую руку. Богатырь стал разворачивать пулемет плечами и грудью, продолжая раненой рукой вести огонь.

Бой длился пять часов. Раненый, еле державшийся на ногах от усталости, Богатырь вышел из разбитого дзота. Ракетой он хотел дать знать на командный пункт своего батальона, что высота держится, что он, Богатырь, жив и просит помощи. Но не успел герой сделать и нескольких шагов, как перед ним из воронки показался немецкий офицер. Он метнул в Богатыря гранату. Граната разорвалась у ног моряка, и десятки мелких осколков впились ему в тело. Превозмогая боль, Богатырь бросился на немецкого офицера, плечом вышиб у него автомат и, схватив раненой рукой кинжал, вонзил его в горло врага.

На следующий день рано утром наши бойцы нашли Богатыря. Он лежал без сознания на трупе убитого им немецкого офицера.

Пулеметный расчет комсомольца Ивана Богатыря за время войны уничтожил не менее 1000 гитлеровцев. Со своей группой разведчиков Иван Богатырь захватил в разное время 200 «языков». Он обучил снайперскому искусству 130 бойцов и сам из снайперской винтовки убил 75 немцев.

За героизм и отвагу, проявленные в боях, Президиум Верховного Совета СССР присвоил Ивану Ивановичу Богатырю звание Героя Советского Союза.

Подвиг пулеметчика Митусова

Когда боевые друзья подошли к убитому Сергею Митусову, чтобы унести его труп с поля битвы, оказалось, что сделать это не легко. Мертвый боец продолжал крепко сжимать оцепеневшими руками рукоятки своего пулемета. Пулемет был направлен в ту сторону, куда только что откатились выбитые с этой высоты немцы. Казалось, что Митусов и мертвый продолжает вести огонь по врагу.

Краснофлотец Митусов был пулеметчиком одного из подразделений морской пехоты Северного флота. Когда

часть его пошла в атаку, вышибая немцев с одной из занятых и укрепленных ими сопок, Митусов выдвинулся вперед. Он глубоко вклинился в немецкую оборону и повел огонь так метко, что немцы не выдержали и побежали.

Митусов отбивал и немецкую контратаку. Он подпускал врага на 10—15 метров, бил в упор, — бил, несмотря на ложащиеся рядом снаряды.

Высота была удержана. А подвиг Митусова и самое имя отважного пулеметчика стали вечной гордостью его части, неумолчным призывом к новым боям, к новым победам.

Герой Советского Союза Иван Сивков

Он пал в бою. Его короткая 25-летняя жизнь оборвалась в ясный летний день, когда солнце почти не скрывалось за горизонтом и даже в суровых, поросших мхом скалах Заполярья было по-летнему тепло и уютно. Прячась за камнями сопки, Сивков вместе с командиром взвода Копенкиным обстреливал из пулемета и винтовки фашистов, которые лезли и лезли на крутизну.

Неподатливая, каменистая земля Севера была враждебна им, грабителям и захватчикам. Гуляя по улицам покоренных норвежских городов, они равнодушно попирали ее своими тирольскими башмаками. Но здесь, на Кольском полуострове, обрывистые склоны сопок не давали упора, из-под каблуков вырывались и летели вниз камни, ноги скользили. Убийцы и погромщики, пьяные от крови и спирта, они ненавидели эту землю, которую мечтали завоевать.

А краснофлотец Сивков, вдвоем с командиром Копенкиным защищавший сопку, эту землю любил.

Земля на его родине, на Волге, была жирной и мягкой, а здесь, в Заполярье, — шершавой и сухой. Но и там и здесь земля была своя, русская, советская. Иван Сив-

ков видел города, выстроенные на бесплодных скалах его сверстниками, слышал шум турбин северных гидростанций и гудки тральщиков, уходивших в море на лов. Он пришел на Север как воин, чтобы охранять все, созданное руками его товарищей: строителей, рыбаков, учителей.

Пулемет, полученный от командира, Сивков уважал и берег. Каждая пуля, посылаемая им теперь из-за камней, пробивала чью-нибудь каску.

Но вот упал сраженный автоматной очередью Копенкин. Краснофлотец Сивков остался один против взвода озверелых фашистов. Осторожно он перенес раненого товарища в безопасное место и успел вернуться к занятой позиции, когда немцы были уже в 20—30 шагах.

Быстро отстегнув от пояса гранату, он встряхнул ее и метким броском пустил навстречу наступающему врагу. С проклятием немцы откатились, но через несколько минут стали наседать вновь. И вновь краснофлотец Сивков повторил тот же прием — подпустив немцев поближе, он бросил вторую гранату.

Шли минуты, часы напряженного боя. Запас патронов и гранат кончался.

Немцы, решив, что вместе с боеприпасами должно истощиться и человеческое сопротивление, с криком «сдавайся, рус!» толпой навалились на краснофлотца. Они ошиблись в своем расчете. Мужество североморца не измеряется наличием боеприпасов. «Русские в плен не сдаются!» — коротко ответил Сивков, бросая под ноги последнюю гранату...

Под скалами, в мерзлой неподатливой заполярной земле похоронили товарищи краснофлотца Ивана Сивкова. Привалили могилу гранитной глыбой, сказали короткое надгробное слово и пошли в бой.

Давно уже изгнаны фашисты с той сопки, защищая которую умер молодой краснофлотец.

Страна помнит и знает по именам защитников Москвы

и Сталинграда, Ленинграда и Заполярья, помнит и любит каждого, кто лег на ее рубежах. Высокое звание Героя Советского Союза, народного героя нашей земли, Иван Сивков получил, как живой наш современник и соотечественник. Свято чтут североморцы память бесстрашного героя-моряка. Его именем названа школа учебного отряда Северного флота, откуда он ушел прямо на фронт.

Герой Советского Союза Куропятников

Никогда не померкнет слава черноморца, старшины 2-й статьи Григория Куропятникова, пулеметчика СК-065. Его геройский подвиг тесно связан с отвагой всего экипажа «СК-065». Куропятников вырос на этом катере, здесь он получил боевую закалку. А экипаж катера, слаженный, находился в боях с первого часа войны. Уже в 7 часов 53 минуты 22 июля 1941 г. катер вел бой с вражеским пикетом. С тех пор он почти непрерывно в боях, в походах. Через 10 месяцев войны на боевом счету катера уже было 3 сбитых вражеских самолета. В его журнале боевых действий к этому времени записаны лихие операции по высадке десанта в Одессе, Феодосии, огневые налеты на занятые врагом берега, обстрел огневых точек противника и десятки судов, проведенных из порта в порт.

Бой, в котором Куропятников совершил свой подвиг, произошел в марте 1943 г. Катер сопровождал транспорт в одну из прифронтовых баз. Вышли ночью, а на рассвете уже подверглись нападению восьми вражеских самолетов. Сокрушительным огнем пушек и пулеметов «Юнкерсы» были разогнаны. Сброшенные ими бомбы не попали в цель. Через полтора часа катер вновь подвергся нападению бомбардировщиков. На катер и сопровождаемый им транспорт теперь налетело 20 вражеских машин. Моряки отбились и от них. Через несколько часов налетело уже 30 бомбардировщиков. В воздухе стоял грохот от разрывов вражеских бомб и залпов артилле-

рийских орудий. Бомбы падали около катера. В результате сотрясений и от осколков вышли из строя носовая пушка, рация, два мотора. Многие члены экипажа уже были ранены, но никто не хотел уходить с боевых постов.

Григорий Куропятников находился около своего пулемета. Осколком бомбы ему оторвало левую руку выше локтя. Другие осколки впились в грудь, ранило голову. Отважный моряк истекал кровью, но не покинул боевого поста. Он продолжал одной рукой нажимать гашетку пулемета и поливал вражеские самолеты свинцом. Через некоторое время еще несколько осколков впилось в тело отважного моряка, но он стоял на месте и продолжал выпускать по самолетам очередь за очередью.

Осколками бомб на корме катера были зажжены дымовые шашки, под которыми находились глубинные бомбы. Катеру грозила опасность взорваться на своих же бомбах. Это заметил Куропятников. Оставив пулемет, он с трудом пополз к очагу пожара по палубе, оставляя за собой кровавый след. Наконец, Куропятников добрался до глубинных бомб. Зубами перегрыз конец, которыми были принайтовлены горящие дымовые шашки и столкнул их за борт. Избавив корабль от угрозы взрыва, он вновь пополз к пулемету и открыл огонь по немецким самолетам. Куропятников перестал стрелять только после того, как упал на палубу без сознания.

Налет вражеских бомбардировщиков был отбит. Беспримерный бой катера против 58 немецких самолетов закончился победой советских моряков. За мужество и героизм, проявленные в этом бою, Григорию Куропятникову присвоено звание Героя Советского Союза.

«Ротой командую я!»

Бригада шла вперед. Немцы всеми силами пытались остановить продвижение морской пехоты. Фашистские самолеты непрерывно бомбили и штурмовали наш перед-

ний край. Рвались снаряды и мины. Прикрываемые своей авиацией и артиллерией, немцы то и дело переходили в контратаки. Во время одной из схваток почти одновременно вышли из строя командир и политрук роты. Краснофлотцы не дрогнули. Раздался голос:

— Ротой командую я!

Это крикнул пулеметчик Шульга.

Пулеметным огнем прижал он к земле наступающих гитлеровцев.

Убедившись, что враг пришел в замешательство, Шульга поднялся и повел краснофлотцев в атаку.

Прорвав фашистскую линию, моряки под командованием Шульги помогли соседнему подразделению вырваться из вражеского окружения.

Немцы были отброшены за исходные позиции. Рота продолжала наступать, и ее вел Шульга, — высокий, плечистый моряк-североморец. Штыком, пулей, голыми руками уничтожал он немцев, попадавшихся на пути.

Пулеметчик Андрианов

Неувядаемой славой покрыл себя в боях за Советскую Белоруссию пулеметчик, днепровец Николай Андрианов. Его подвиг служит ярким примером мужества и матросской доблести.

Катер-тральщик выполнял боевое задание, когда враг обрушил на него ливень огня. Меткими очередями своего пулемета отвечал врагу Андрианов, заставляя умолкать огневые точки фашистов.

Вражеская пуля перебила отважному пулеметчику ногу. Превозмогая острую боль, он подвязал себя ремнем к пулемету и продолжал вести огонь. Повторное ранение не заставило героя прекратить огонь.

— Пока жив, — сказал товарищам Андрианов, — и вижу врагов, я не перестану их уничтожать.

В самую напряженную минуту боя раненые краснофлотцы услышали слова морской песни. Это пел герой-пулеметчик, коммунист Николай Андрианов, ободряя своих товарищей.

Кончился бой. Но не считал оконченными свои обязанности Андрианов. С перебитыми ногами он перевязывал раненых товарищей.

Так мужественно и стойко сражался пулеметчик тральщика, славный матрос-днепровец Николай Андрианов.

Бой за высотку

Когда сержант Александр Демидов заменил убитого пулеметчика, немцы атаковали наши позиции в пятый раз.

— Придвинь-ка поближе коробки с лентами, да получше наблюдай, — сказал Демидов своему помощнику, молодому красноармейцу Пушкову.

Он увидел, как из леса ползли гитлеровцы. Сержант крепко сжал рукоятки пулемета и не сводил глаз с развернувшейся цепи противника. За первой цепью шла вторая, за ней — третья...

Правофланговый пулемет, поддерживавший Демидова, застрочил, но вскоре смолк. Залегшие было немцы встали и пошли прямо на Демидова.

Подпустив врага на 50 метров, сержант открыл огонь. Очередь хлестнула по цепи. Напарник Демидова — худенький, беспокойный боец, поправлял ленту.

Немцы отвечали. Пули свистели над самой головой пулеметчика. Только треть новой ленты была израсходована, когда Пушков как-то странно встрепенулся и, скользнув головой по руке сержанта, упал на землю.

Демидов поймал взгляд тяжело раненого товарища и еще сильнее вцепился в рукоятки пулемета. Увидев миномет противника, он сбил его. Гитлеровцы подтащили на ту же позицию другой миномет. Пули сержанта уничтожили и этот расчет врага.

Тогда немцы обрушили на Демидова огонь трех пулеметов. Сержант продолжал стрелять. Вдруг левая рука, поправлявшая ленту, бессильно опустилась на коробку. Что-то горячее потекло по локтю, а затем струйки крови показались из-под обшлага гимнастерки.

— Все равно выдержу! — сквозь зубы процедил Демидов и нажал здоровой рукой на спуск, а подбородком надавил на крышку коробки пулемета.

В глазах помутилось. Кровь текла из раненой руки. На секунду, другую, он терял сознание, а затем, очнувшись, бил и бил. Он один боролся против трех пулеметов врага и контратакующей пехоты. Груды вражеских трупов покрывали скаты высотки.

Внезапно оглушительный взрыв приподнял Демидова и отбросил в сторону, а потом что-то тяжелое ударило его по спине.

Когда Демидов пришел в себя, он почувствовал, что кто-то приподнимает его, причиняя боль руке. Думая, что это немцы, Демидов рванулся, судорожно ища на боку пистолет. Но сил не было, рука не слушалась. Как сквозь туман, он увидел наклонившегося над ним человека и услышал знакомый голос:

— Ну, ничего, ничего. Потерпи. Молодец ты, Демидов!

В дни героической обороны города Ленина сошел с корабля на берег краснофлотец Демидов. Славный путь прошел он с боями от стен родного города до Германии. На груди его три боевых ордена — свидетельство беззаветной отваги, мужества и высокого воинского мастерства. Отважный моряк и на суше показал себя достойным высоких боевых традиций балтийцев.

Герой Советского Союза Ной Адамия

В дни боев за Севастополь прославился снайпер морской пехоты Адамия. Только за шесть дней напряженных

боев он лично уничтожил 200 фашистов, подбил один танк и вместе с небольшой группой бойцов отбил десятки атак вражеской пехоты. В другом бою Адамия уничтожил вражеский танк и из простой винтовки истребил 22 фашиста.

22 июня 1942 г. в районе Федюхиных высот, где занимали оборону моряки батальона морской пехоты, противник с утра предпринял наступление. Адамия с группой автоматчиков в количестве одиннадцати человек занял дот и оттуда вел огонь по противнику, препятствуя его продвижению вперед.

Немцы обошли дот и стали атаковать его со всех сторон. Адамия не растерялся. Он и автоматчики продолжали вести огонь по противнику. Во время этого боя Адамия уложил 35 фашистов, а его группа автоматчиков уничтожила до роты пехоты противника и сорвала атаку немцев. Потерпев неудачу, противник выкатил на открытую позицию 45-миллиметровую пушку и прямой наводкой беглым огнем стал обстреливать окопы батальона. Адамия, замаскировавшись, приблизился к пушке противника и огнем из винтовки уничтожил весь орудийный расчет, заставив замолчать орудие. Тогда противник силой до двух взводов предпринял атаку против группы автоматчиков Адамия. Смельчаки вступили в неравный бой и уничтожили 49 фашистов, а уцелевших обратили в бегство. Тогда противник в третий раз предпринял атаку против группы автоматчиков Адамия. Свыше батальона вражеских солдат начали наступление на небольшую горсточку моряков. И в третий раз автоматчики Адамия уничтожили до двух рот пехоты противника и отбили их наступление. Когда на участке Н-ской бригады создалась угроза прорыва, Адамия с группой бойцов-автоматчиков занял оборону в секторе вероятного прорыва на правом фланге бригады и сдерживал натиск врага в течение нескольких часов. Адамия и на этот раз лично уничтожил 40 фашистов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР славному моряку присвоено звание Героя Советского Союза.

Снайпер-балтиец Иван Антонов

На заснеженной дороге у опушки леса вдруг появилась толпа.

Кульшин прислонился к окулярам стереотрубы. На какую-то долю секунды у него захватило дыхание.

— Ваня, иди сюда! — позвал он Антонова. — Смотри, гады что делают.

Проворно поднявшись на вышку, Иван Антонов устремил свой взор в сторону немецких окопов.

Старики, женщины с детьми на руках, подталкиваемые штыками немецких солдат, медленно, как на похоронах, брели по изрытой снарядами дороге.

— Наших людей уводят в рабство, — с трудом выговорил Антонов и, сжав кулаки, погрозил:

— Мы этого не забудем!

Чувство жгучей ненависти овладело умом и сердцем молодого воина.

— Кульшин, научи меня стрелять из снайперской. Я больше не могу быть только наблюдателем. Я хочу стать истребителем.

На другой же день после этого, надев маскировочный халат, с обыкновенной винтовкой Антонов отправился на передний край.

В пути он вспомнил, как, бывало, будучи счетоводом колхоза имени Ворошилова, он с дробовиком в руках, на лыжах, бродил от зари до зари по лесной чаще, спугивал зайца и бил его наповал.

Навыки опытного охотника пригодились ему теперь как никогда. Осмотрительность — первооснова успеха.

Тихо шагая от дерева к дереву, Антонов внимательно всматривался в бугорки на прогалинах, останавливал

подолгу свой взгляд на кучах срубленных снарядами и минами сосен. Он хорошо видел рубеж немцев. Как змеи, вьются окопы, хода сообщения. Значит, и немцы могут быстро обнаружить бойца. Опустился в засыпанную снегом траншею. Выбрал удобную позицию, лег.

Где-то далеко стучит немецкий пулемет, время от времени раздается орудийный выстрел. Несколько часов пролежал он без движения. Продрог, проголодался, но уходить не хотелось.

Пролежав в траншее до вечера, раздосадованный неудачей, возвратился он в землянку. И ночью мысль о возмездии не давала ему покоя.

На рассвете, быстро перекусив, он снова уходил в лес. Так продолжалось трое суток. Но неудача не охладила его. Иван Антонов упорно искал немцев. На четвертый день моряк, заброшенный во время войны на сухопутье, открыл свой истребительный счет — убил первого немца. Это было 2 января 1942 г.

Успех ободрил Антонова и его товарищей. Началось своеобразное соревнование: кто больше убьет немцев. Ряды истребителей росли с каждым днем. Более восьмидесяти снайперов воспитал Антонов. Все новые и новые имена — Посикан, Титов, Глебов — заносились в боевой журнал.

Благому почину комсомольцев уделили исключительное внимание командир подразделения Кудрявцев и партийная организация. Создали стрелковые кружки, принялись за изучение стрельбы.

Учились в землянках, в тире, в лесу, но подлинную школу снайпера моряки проходили в бою, на огневом рубеже. Промах одного бойца служил предостережением для всех. Требовательный педагог Антонов строго взыскивал с товарищей, допустивших ту или иную оплошность. И замечательно то, что за продолжительный период деятельности снайперы не имеют потерь. Антонов,

прежде чем взять кого-либо, как здесь говорят, «на охоту», тренировал его — ходил с ним по лесу, показывал, как безопаснее подходить к огневой точке, как оценивать местность, изучать противника. И только после тщательной проверки брал напарника с собой.

Коммунист Иван Антонов прекрасно изучил свою снайперскую, тульского завода, винтовку за № 412 и уверенно бьет из нее, заранее надеясь на успех, не только на малых, но и на больших дистанциях — до 500—600 метров.

Лесистую пересеченную местность, на которой действует снайпер, он изучил вдоль и поперек. Но в таких же условиях находятся и немецкие снайперы. Поэтому, чтобы не стать жертвой и добиться победы, Иван Антонов прибегает к самым различным приемам маскировки. Кроме халата, как обязательного средства маскировки, он умело использует местные предметы: ямы, кустарник, снег и т. д. Иногда поднимается на кудрявую вершину сосны и, отыскав цель, бьет без промаха. Дым теряется в ветвях; обнаружить же снайпера по звуку немцам в подобных случаях не удавалось.

Однажды Антонов выбрал удобную позицию — в 400 метрах от части противника. Вот вышел из блиндажа с яркими нашивками немец. «Офицер», — подумал моряк. Прозвучал выстрел. Фашист, как мешок, рухнул на землю.

В стане врага засуетились. К убитому подбежали два офицера. Но они не успели взять труп. Один за другим прогремели еще два метких выстрела, и оба фашиста остались лежать у блиндажа.

Десятки раз Антонов попадал под артиллерийский и минометный огонь. Немцы пытались уничтожить смелого балтийца, но попытки их были напрасны. Антонов продолжал бить немецких разбойников, учить людей мастерству меткой стрельбы. Он обучил снайперству свыше 100 человек.

Интересны цифры побед отважных снайперов. За сравнительно короткий срок 80 учеников Антонова уничтожили в общей сложности свыше 2000 немцев. Десять его учеников награждены орденами и медалями Советского Союза. Сам Антонов награжден орденом Ленина.

К началу 1943 г. Антонов имел на своем счету свыше 300 уничтоженных фашистских солдат и офицеров.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Ивану Петровичу Антонову присвоено звание Героя Советского Союза.

Рассказ снайпера Курицына

Балтийский снайпер Курицын еще в конце 1942 г. имел на боевом счету около 200 уничтоженных немцев. Вот что рассказывает он о своих победах:

— Первого немца я убил так. Пришли мы сюда 16 сентября, а на другое утро вышел я из землянки. Осмотрелся. Вижу — невдалеке, у полотна железной дороги, мешки с песком навалены, а около них во весь рост немец расхаживает, самый настоящий живой фашист. Пошагает немного, остановится, по сторонам смотрит. Были тогда немцы на нашем участке совсем непуганные. Снайперской винтовки у меня тогда еще не было, а из полуавтомата по такой цели до сих пор стрелять не приходилось. Однако я прицелился и выстрелил. Гляжу — упал немец. Обрадовался я.

Это был мой первый немец. Через несколько месяцев я их набил уже 153. В нашем деле главное — не нервничать. Если хочешь добиться удачи, запасись терпением.

Иногда сидишь, сидишь, много часов проходит, а врага все нет и нет. Если ты настоящий снайпер, — сиди, терпи, — появится фриц. Еще надо быть наблюдательным. Без выдержки и наблюдательности никогда успеха не добьешься.

Было у меня несколько поединков с немецкими снай-

перами. Однажды, в ноябре, сижу я за своим щитком, наблюдаю. Вдруг щелк-щелк! Одна за другой несколько пуль ударилось о броню у самой амбразуры. Откуда, думаю, подлец бьет? Стал всматриваться. В одном месте каску заметил. Чуть-чуть торчит. Взял я ее на мушку, но не стреляю. «Что-то здесь, думаю, не так; уж больно все просто». Опять пуля ударила в щиток. Вижу — выстрел совсем не оттуда, где каска. Ну, ясно: ее для обмана выставили. Но где же проклятый немец? Просто измучился я тогда с ним. Целый день с утра и до вечера охотился. Наконец заметил, откуда он стреляет, а сам замер, притаился, ни одного выстрела за весь день не сделал. Пусть думает, что убил меня. Но немец попался дошлый: не вылезает, и все! Ну, и я терпеливый: лежу, жду. Уже темнеть начало, когда, смотрю, голова приподнялась и сразу же пропала. Не вытерпел, значит, фриц! Видит немец, что тихо, и совсем осмелел. Приподнялся немного и пополз. Как стал он мне виден, сразу же я его снял. Так на бруствере и остался он лежать.

Потом завелся у нас на участке один немецкий снайпер. Прямо житья от него не стало.

— Курицын, — говорят мне, — ты уж постарайся, сними гада!

Ну, начал я за ним охотиться. Узнал, где его землянка, приметил, откуда он стреляет, а вот поймать, когда он переходит на свою позицию, никак не мог. Три дня продолжал я его ловить. Только на четвертые сутки, чуть-чуть рассвело, смотрю — выполз он из землянки, стал пробираться на свое излюбленное место. Уж на что я человек хладнокровный, а тут и меня озноб охватил. Да вот беда — осторожен был, дьявол, никак не поймать его на мушку. Идет, низко пригибаясь, а то и совсем ползет. Стрелять тут нельзя: промахнешься — все дело испортишь. Слежу я за ним, а самого трясет: неужели уйдет? И вот на какую-то секунду он выдвинулся. Мне больше и не надо было. Сразу выстрелил. Немец упал.

Снайпер-североморец

На Северном флоте прославился боевыми делами снайпер Черномаз. Снайпером Иван Черномаз стал давно. Еще осенью в 1942 г. часть, в которой служил Черномаз, пришла на передний край. Противник был остановлен на подступах к полуострову Средний. В серых гранитных камнях были выдолблены землянки, строились огневые точки, дзоты, укрепления. Работу морских пехотинцев прикрывали своим огнем снайперы. Они метким огнем загоняли гитлеровцов в каменные норы, не давали им поднять головы.

В этих тяжелых условиях Черномаз открыл свой боевой счет. С тех пор прошло больше двух лет. Год из них Черномаз находился на переднем крае. В дождь и снег, холод и пургу истреблял он немцев. К 7 ноября 1944 г. на счету Ивана Черномаза было 157 истребленных гитлеровцев.

Особенно отличился Черномаз в боях за освобождение Печенги. В этой операции он уничтожил 28 гитлеровцев.

Рота североморцев, преследуя противника, попала под снайперский огонь. Продвижение было замедлено, бойцы залегли за камнями.

Нужно было подавить огонь снайперов. Черномаз выбрал удобную позицию, забрался на утес и снайперским огнем подавил пулеметную точку врага, а затем убил несколько автоматчиков и снайперов противника. Рота двинулась вперед. На пути валялось пять убитых немцев и разбитый пулемет с оптическим прицелом. Огневая точка врага была подавлена. Североморцы, преследуя, гнали врага на запад.

В другой раз одна из наших рот оказалась в трудном положении. Немцы окружили ее и открыли сильный пулеметный и минометный огонь. На помощь пошла другая рота, но под сильным огнем противника и она вынуждена

была залечь. Тогда снайперы Черномаз, Трошин и Попов выдвинулись вперед и подползли вплотную к противнику. Метким огнем они один за другим снимали гитлеровцев. Немцы растерялись. Откуда бьют наши снайперы, они не могли догадаться. Североморцы удачно выбрали позиции, и их огонь смешивался с общими выстрелами и минометными разрывами. Снайперский огонь внес в ряды противника смятение. Немцы поспешно стали отходить. Снайпер Черномаз поднялся во весь рост и закричал: «Вперед, матросы!». Враг был смят и разгромлен.

По дороге на Петсамо группа немцев удирала на легковой машине. Черномаз прицелился в мотор. Раздался выстрел, и пуля угодила в карбюратор. Машина остановилась. Немцы были взяты в плен.

Так выполнял свой долг перед Родиной снайпер Черномаз.

Филипп Рубахо

Филипп Яковлевич Рубахо родился в 1923 г, в станице Аксай, Ростовской области. Филипп воспитывался в детдоме.

В 1941 г. окончил десятилетку в Батуми. В школе он полюбил музыку, выступал на вечерах самодеятельности, а вскоре был зачислен в духовой оркестр Батумской военно-морской базы.

Потом он решил во что бы то ни стало стать снайпером и добился, чтобы его послали в специальную школу. В короткий срок он овладел стрелковым искусством и впоследствии, будучи на фронте, стал высококвалифицированным снайпером. Он служил на «морском охотнике», потом участвовал в обороне Одессы. Под Севастополем он убил первого немца. До конца 1941 г. Филлип воевал под Севастополем, потом сражался под Ростовом и в предгорьях Кавказа.

Весной 1943 г. Филиппа перевели на службу в батальон

морской пехоты майора Куникова.

Он был мужественным, отважным воином.

Особенно любил Рубахо охотиться за снайперами врага. Не раз он вступал с ними в поединки и всегда выходил из них победителем.

27 июля 1943 г. Филипп Рубахо по боевой характеристике был принят кандидатом в члены ВКП(б). На другой день он уже дрался с немцами в новой смелой операции. Когда батальон Цезаря Куникова ворвался в Новороссийск, Рубахо был в первых рядах атакующих.

Молодой коммунист Филлип Яковлевич Рубахо перед боем написал под портретом товарища Сталина:

«Дорогой Иосиф Виссарионович! Иду в бой коммунистом. Я уже истребил 276 фрицев, уничтожил шестиствольный миномет, 2 повозки, 3 пулеметных точки, разрушил дзот.

Горячо любимый товарищ Сталин! Клянусь тебе, отец родной: пока я жив, не будет пощады злобному врагу. Буду жестоко мстить проклятым немцам за все их злодеяния на нашей земле.

Кандидат в члены ВКП(б) снайпер орденоносец

Филипп Рубахо».

Филипп свято выполнил слово, данное вождю.

Филипп был ранен осколком снаряда, когда битва за Новороссийск была уже решена в пользу черноморцев. В госпитале Рубахо начал было поправляться, рана его стала заживать. Рубахо случайным движением разбередил рану, и это послужило причиной его смерти. Филипп умер, когда ему было только 20 лет.

Короткая, но какая богатая подвигами и славой жизнь! На боевом счету Рубахо значится 346 уничтоженных фрицев. 22 января 1944 г. Филиппу Рубахо было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *А. Богина*

ГМ 201295. Подписано к печ. 17/VII 1945 г. Уч.-изд. № 699. Зак. № 1624

1-я типо-литография УВМИ НКВМФ